

А.А. ИВАНОВ

A.A. IVANOV

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ДУЭЛЬ КОМБРИГА А.А. СМИРНСКОГО

FAILED DUEL OF BRIGADE COMMANDER A.A. SMIRNSKY

Сведения об авторе. Иванов Андрей Александрович — доцент кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru).

Аннотация. В статье впервые детально рассматривается и анализируется громкий дуэльный скандал 1906 года, участниками которого стали поручик А.А. Смирнский (будущий комбриг Красной армии) и депутат 1-й Государственной думы В.Р. Якубсон. Публикация основана на широком спектре источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: А.А. Смирнский; В.Р. Якубсон; дуэль; русская армия; Государственная дума.

Information about author. Andrey Ivanov – Associate Professor of the Subdepartment of Russian recent history at the History Institute of the St. Petersburg State University, D. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru).

Summary. The article first considers and analyses huge duel scandal of 1906 between Lieutenant A.A. Smirnsky (future brigade commander of the Red Army) and deputy of the 1st State Duma V.R. Yakubson. The publication is based on a wide range of sources, a significant part of which is first introduced for scientific use.

Keywords: A.A. Smirnsky; V.R. Yakubson; duel; Russian army; State Duma.

Специалистам хорошо знакомо имя Александра Александровича Смирнского (1882—1935) — выдающегося конструктора-оружейника и основоположника советского стрелкового спорта. Участник Олимпийских игр 1912 года в Стокгольме, победитель 1-й Всероссийской олимпиады 1913 года в Киеве, красный комбриг, инспектор Всевобуча, многократный участник и победитель всесоюзных и международных соревнований по стрелковому спорту, конструктор малокалиберного спортивного стрелкового оружия и приборов для стрелковой подготовки. Эти факты широко известны и не раз приводились в литературе¹. Однако мало кому известно, что в 1906 году 24-летний поручик Смирнский стал героем всероссийского скандала, вызвав на дуэль депутата Государственной думы.

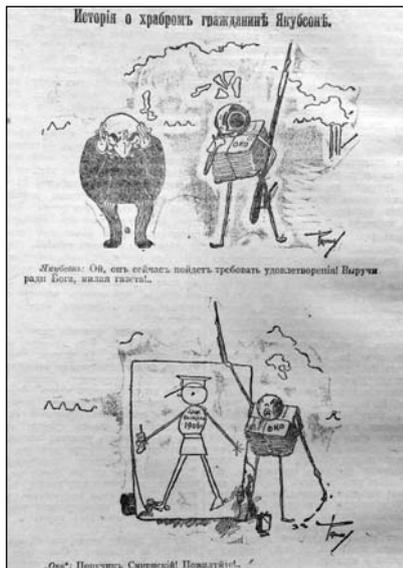
ПАРЛАМЕНТАРИЕМ, вызвавшим гнев Смирнского, был депутат 1-й Государственной думы Владимир Романович (Вениамин Рубинович) Якубсон, входивший в трудовую группу. Якубсон был членом парламентской комиссии для расследования произошедшего 1—3 июня 1906 года еврейского погрома в Белостоке, обернувшегося многочисленными жертвами. Вернувшись в Петербург, левый депутат 23 июня произнес с думской трибуны обличительную речь, в которой обвинял власти в организации погрома. Помимо прочего парламентарий позволил себе выпад по адресу русской армии. «Только при участии полиции и при содействии войск чинились убийства, которые были в Белостоке, — говорил Якубсон. — На тех улицах, где войск и полиции не было, не было и погрома... Я смело могу сказать, что русско-японская война оказала сквер-

ную услугу нашим войскам, она научила их бояться выстрелов. Где была возможна стрельба, где ожидалось нападения, там войска и полиция почтительно отступали, там граждане отстояли улицы, там имущество осталось в целости, и ничего не было разгромлено»². При этом, правда, революционно настроенный депутат не стал уточнять, что «гражданами», давшими отпор погромщикам, были преимущественно боевики анархистов, эсеров и бундистов, накануне погрома устраивавшие террористические акты против администрации, чинов полиции, армии и казачества³. По оценке С.С. Ольденбурга, доклад членов думской комиссии, побывавшей в Белостоке, был «чрезвычайно односторонним и пристрастным»⁴.

Выпад Якубсона против армии не остался без внимания. Слова, сказанные депутатом-трудовиком, прокомментировали депутаты В.К.

Федоровский (Партия демократических реформ), мирнообновленец М.А. Стахович и октябрист И.В. Способный. Парламентарии осудили выпад Якубсона, посчитав его слова незаслуженной обидой русской армии⁵. При этом И.В. Способный высказался наиболее определенно: «...Депутат Якубсон дал пощёчину всей русской армии перед лицом всей России и, можно сказать, перед всем миром... Я не сомневаюсь, что эта фраза приобретёт еврейству немало врагов среди тех, которые были к нему не расположены или, по крайней мере, равнодушны»⁶.

Ответить своим критикам Якубсон смог лишь 7 июля — за день до отпуска 1-й Государственной думы. Попросив слово по личному вопросу, депутат признал произнесённую им ранее фразу «неудачной», поскольку она «далеко не отвечает той мысли», которую он «хотел вложить в неё»⁷. «Я не хо-

«Голос правды»
от 29 августа 1906 г.

тел бросать укора всей русской армии, — пояснял Якубсон. — Смею уверить... что все члены Государственной думы, где бы они ни сидели и к какой бы национальности ни принадлежали, относятся с уважением к русской армии, когда она стоит на высоте положения. Но, к сожалению, наши высшие военачальники научили нашу армию идти против народа, стрелять в него. А когда армия стоит на страже народных интересов, когда она защищает родину, то

Комбриг А.А. Смирнский

все мы тогда относимся к ней с уважением»⁸. В заключение Якубсон попросил депутатов не считать произнесённую им ранее фразу укором, брошенным всей русской армии. Однако данное разъяснение, удовлетворив некоторых депутатов, тем не менее не спасло Якубсона от требования сатисфакции.

Спустя три недели, 22 июля 1906 года, когда 1-я Государственная дума была уже распущена, а В.Р. Якубсон, подписавший среди прочих знаменитое Выборгское воззвание, скрывался за границей, вызов ему бросил сын генерал-майора поручик 35-й артиллерийской бригады А.А. Смирнский⁹. Молодой офицер был участником Русско-японской войны, отличился в бою под Мукденом, заслужив орден Св. Владимира 4-й степени с мечами¹⁰. Как утверждал публицист А.С. Шмаков, «полтора года провёл поручик А.А. Смирнский на ужасной войне, в Маньчжурии. Он пошёл туда с родным братом и тремя двоюродными. Из двоюродных братьев один был ранен пулей в ногу, другой — шимозой в бок, а третий — десятью пулями. Родной же брат был убит»¹¹.

Первоначально вызов был сделан по всем правилам дуэльного кодекса, т.е. без огласки¹², но поскольку Якубсон в ответённые ему на раздумья две недели не ответил, 5 августа секундантами Смирнского — капитан М.С. Вогак и поручик Лебедев — решили опубликовать своё письмо в «Новом времени», которое тут же было растиражировано другими газетами. В нём до сведения общества доводилось, что поручик требует от Якубсона удовлетворения, так как Смирнский, «участвуя в минувшей кампании и будучи свидетелем, как тихо и скромно, и вместе [с тем] доблестно умирал русский солдат», считает выражения, допущенные депутатом, «незаслуженным и грубым оскорблением по адресу армии»¹³. В письме также отмечалось, что офицеры не считают последующие слова Якубсона извинением, а потому Смирнский требует от бывшего депутата либо взять слова, сказанные об армии, обратно, либо ответить за них у барьера. Если

же Якубсон откажется от обоих предложенных ему способов ответа на письмо, то, предупредив секунданты Смирнского, он рискует «всеми последствиями уклонившихся от дуэли»¹⁴. То, что вызов последовал почти месяц спустя после выступления Якубсона в Думе, секундантами объясняли необходимостью соблюдения Смирнским существовавшего порядка: в отличие от гражданских офицеры имели право участвовать в дуэлях, но должны были получить на это разрешение. За таким разрешением Смирнский обратился к начальству ещё 3 июля и, как только получил поддержку от командования, сразу же приступил к исполнению своего намерения¹⁵.

«Биржевые ведомости», опубликовав письмо секундантами Смирнского, ниже приводили объяснения В.Р. Якубсона, данные им ещё до того, как вызов попал в печать. «...Должен сознаться, что я очень скорблю и грущу, что эта фраза в такой форме сорвалась с моих уст, это своего рода lapsus linguae (необдуманная фраза. — Прим. авт.). Я преклоняюсь перед храбростью русского солдата и глубоко верю в победоносную силу русской армии... Вершины Балкан и поля Маньчжурии немало усеяны и трупами евреев. Солдатская армия со мною кровно связана, и я скорблю, что сорвалась эта пресловутая фраза»¹⁶. Отметив далее, что его идеал — народная милиция, Якубсон закончил своё интервью газете следующими словами: «Но до этого не близко ещё, и интересы армии, как части русского народа, нам дороги и близки... Армия верит нам и ждёт она «рассвета» от Думы»¹⁷. Впрочем, как видно из этого интервью, высказывая сожаление о произнесённых с парламентской трибуны слова, депутат за них не извинялся и не брал их обратно. Кроме того, несколько раз упомянув о солдатах, он ни слова не сказал об офицерах русской армии, поэтому засчитать это публичное заявление Якубсона за извинение было затруднительно.

Требование боевого офицера к бывшему депутату Государственной думы выйти к барьеру

взбудоражило общество, быстро став темой для всеобщего обсуждения. «В обществе только и разговоров, что о вызове поручиком Смирнским на дуэль бывшего члена Государственной думы Якубсона за оскорбление чести русской армии, — отмечала “Петербургская газета”. — За границей вызовы на дуэль депутатов и сами дуэли не редкость, а у нас это новинка первого опыта парламентского режима»¹⁸. «Письмо офицеров... вызвало довольно продолжительную полемику в журналистике и разговоры; и общество, и журналистика разделились на два лагеря, — отмечал революционный публицист В.В. Брусянин. — Оппозиционная по отношению правящих слоев и армии печать приняла сторону В.Р. Якубсона. К этой печати примкнула и та большая часть русского общества, которая уже успела засвидетельствовать то или иное свое отношение к освободительному движению. Реакционная печать, явно черносотенные листки и армия сплотились в противоположном лагере, олицетворяя в поручике Смирнском и доблесть российской армии, и ту условную мораль, какую выставляют военные, посылая вызов своему врагу»¹⁹.

Впрочем, Брусянин в свойственной публицистике манере упрощал ситуацию: защищая Якубсона, оппозиционная печать далеко не всегда его оправдывала, а среди газет, поддержавших поручика Смирнского, были не только черносотенные. Так, далёкая от реакционности «Петербургская газета», называя слова Якубсона об армии «гнусной клеветой», «заведомой и тенденциозной ложью», писала: «К душевному движению, побудившему молодого офицера потребовать удовлетворения за честь армии, к которой он принадлежит, нельзя не отнестись с полным сочувствием»²⁰. Да и в рядах армии далеко не все приветствовали поступок поручика Смирнского. На страницах «Военного голоса» появилось письмо некоего штаб-офицера, который выражал мнение, что письмо офицеров с вызовом Якубсона на дуэль некорректно (особенно угроза проучить его в случае отказа от дуэли), а сам

вызов — беспричинен, т.к. депутат, допустивший в своей речи оплошность, сам же её и признал. «Смысл слов г. Якубсона был тот, — пояснял анонимный офицер, — что солдат-гражданин всегда выше солдата-раба, и что воинская доблесть русского солдата, как и всякого другого, находится в психологической зависимости от популярности самой войны»²¹. Кроме того, автор открытого письма отмечал, что «законы не знают ответственности депутатов за слова, сказанные ими во время заседания», а потому господам офицерам и их начальству следовало бы задуматься об этом, прежде чем бросать вызов.

Таким образом, у каждой из сторон этого инцидента были свои сторонники и противники, как в общественных кругах, так и в армии, причём линия разделения на два лагеря проходила порой весьма причудливо — на стороне поручика Смирнского были не только правые, а среди противников его действия встречались и представители армии.

В ходе бурной полемики в печати, продолжавшейся около трёх недель, сторонники и противники намечавшейся дуэли оттачивали мастерство в аргументировании своей позиции. Первое, на что обратили внимание защитники экс-депутата, было правовое неравенство потенциальных противников: Смирнскому, получившему разрешение на дуэль, за неё ничего не грозило, Якубсон же в случае согласия драться подлежал законному наказанию. При таком раскладе, полагала газета «Око», Якубсон имел все основания отказаться от поединка²². Обращалось внимание и на то, что поручик-фронтвик владеет оружием лучше депутата-юриста, что изначально ставит последнего в неравное положение. Как отмечал один из публицистов, «дуэль между офицером и не офицером по вызову офицера есть моральная нелепость... Странно допустить, что юрист в ответ на личное оскорбление вызвал бы обидчика на состязание... в знании свода законов с тем, что тот, кто окажется в законах слабее, — а обидчик, допустите, в них

совершенный профан! — подвергался бы лишению жизни... А ведь нечто подобное происходит на всех дуэлях военных с невоенными! Специалист вызывает профана и говорит: “Это Божий суд!”»²³.

И, надо сказать, Якубсону и его защитникам действительно было чего опасаться: Смирнский, как уже указывалось выше, был не только офицером-фронтвиком, но и выдающимся стрелком. В свою очередь сочувствовавшие поступку поручика газеты противопоставляли его «честный и открытый вызов» убийствам из-за угла, которые практиковали в отношении своих противников террористы-революционеры, и отмечали, что левому депутату самым фактом вызова была оказана честь. Кроме того, как указывал издатель «Нового времени» А.С. Суворин, молодой поручик также рисковал своей жизнью, т.к. история знает «множество случаев, что плохой стрелок убивал хорошего»²⁴.

Газеты, принявшие сторону депутата Якубсона, задавались вопросом: имел ли поручик право требовать от депутата удовлетворения от лица всей русской армии, которая его явно не уполномочивала этого делать? «...Почему именно г. Смирнский вызывает на дуэль г. Якубсона? — недоумевало “Русское слово”. — Было бы понятно, если бы г. Смирнский получил от всей армии “доверенность” на эту дуэль... Но этого в действительности не было. Г. Смирнский счёл себя выразителем мнений и взглядов на честь армии, не обратив внимания на то, что взгляды на оскорбление чести и отношение к оскорблению могут быть совершенно различные даже в среде самого офицерства»²⁵. Кроме того, замечало издание, вызов депутата от лица всей армии грозит ему в случае согласия на поединок верной смертью, т.к. «если бы г. Смирнский пал от руки г. Якубсона на дуэли, то явился бы другой офицер... Словом, г. Якубсон кем-нибудь да должен быть убит»²⁶. На это же указывал и военный юрист П.А. Коровиченко (участник Русско-японской войны, социалист, в 1917 г. соратник А.Ф. Керенского),

отмечавший, что честь офицерской корпорации, если она задета, должен защищать военный министр, а не никем не уполномоченный поручик²⁷. При этом военный юрист обращал внимание на то, что существовавшие правила требовали обращения Смирнского за разрешением на дуэль к командиру полка и суду общества офицеров, а не к корпусному командиру, чем поручик и его секунданта объясняли задержку с вызовом. Полагая, что офицерский суд мог отказать поручику, посчитав себя некомпетентным разрешать вопрос о вызове на дуэль депутата Государственной думы, Коровиченко был убеждён, что на этом вопрос нужно было считать исчерпанным. «...Почему переписка остановилась на корпусном командире, а не на командире бригады или не дошла до командующего войсками? Ответ может быть один: малое знакомство начальников с нашими законами и свойственное таким начальникам убеждение, что все вопросы они могут разрешать по “здравому смыслу”»²⁸. Более того, отмечал Коровиченко, если дуэль состоится даже с разрешения корпусного командира, но без санкции суда общества офицеров, то формально она будет

считаться нарушением закона, т.к. уголовно наказуемым деянием дуэль для офицеров перестанет быть только тогда, когда она разрешена офицерским судом. А значит, заключал юрист, и сделанный Якубсону вызов незаконен.

Поднимался в печати и вопрос, насколько допустимо представителям «христолюбивого русского воинства» прибегать к такому нехристианскому по своей сути методу выяснения отношений, как дуэль. Военный юрист князь С.А. Друцкой в связи с этим отмечал, что поединок «с точки зрения нравственности, а тем более — освящённый проповедью христианской любви», есть ни что иное как «убийство, проявление злобы, мщение». При этом, полагал князь, формальные условия поединка, проходящего по известным правилам, не только не оправдывают его, а, наоборот, придают дуэли «особую мрачность греховности», т.к. «устраняют всякий намек на “невольность греха”».

Осуждая правила, позволявшие военным участвовать в дуэлях, князь указывал на нецелесообразность такого способа защиты чести. «Может ли смерть Якубсона от руки поручика Смирнского доказать доблесть русской армии? — задавался риторическим вопросом Друцкой. — Нет и тысячу раз нет. Поединок может лишь доказать, что у одного или обоих нет в распоряжении других аргументов, кроме силы»²⁹. А отставной офицер писатель А.И. Куприн, также осуждавший поступок Смирнского и обвинявший его в «незнакомстве с дуэльной этикой», и вовсе призывал офицеров устроить товарищеский суд над поручиком. Справедливо опасаясь, что в случае дуэли шансов на успех у поручика будет значительно больше, чем у присяжного поверенного, писатель увидел в брошенном вызове чуть ли не смертный приговор, вынесенный депутату³⁰. Ещё дальше пошёл писатель-демократ В.Г. Короленко, почему-то решивший, что поручик Смирнский «стремится во что бы то ни стало прострелить, проколоть или изрубить “в честном бою”... скромного де-

путата первой Думы, заведомо не умеющего держать в руках ни сабли, ни пистолета»³¹. Такие предположения были едва ли справедливы, ведь Якубсону предлагался и выход — отказать от своих слов. Кроме того, рисковал, несомненно, и Смирнский, которому в случае убийства на дуэли левого депутата запросто могли отомстить революционные боевики. Ведь в эти же самые дни, что развивалась дуэльная история между поручиком и бывшим депутатом, революционные террористы осуществили взрыв на даче П.А. Столыпина, убили командира лейб-гвардии Семёновского полка генерал-майора Г.А. Мина и командующего Черноморским флотом вице-адмирала Г.П. Чухнина.

Впрочем, были в офицерской среде и противоположные взгляды. В газетах опубликовали письмо 19 офицеров штаба Туркестанского военного округа, приветствовавших поручика Смирнского как «защитника чести нашей армии и истинного выразителя тех глубоких чувств негодования к беспочвенным оскорбителям русского оружия, которыми преисполнены все дорожащие своей воинской честью»³². Среди имён офицеров, подписавших это письмоприветствие, встречается имя будущего генерал-лейтенанта (тогда подполковника) Б.И. Казановича — соратника генерала Л.Г. Корнилова и видного участника Белого движения в годы Гражданской войны, а также участника Русско-японской войны подполковника К.П. Кушакова, ставшего после революции начальником Туркестанских Советских командных курсов.

Газеты также приводили телеграмму, подписанную более чем 30 офицерами из Железноводска, в которой выражалась благодарность поручику Смирнскому³³. Прокомментировали этот инцидент и некоторые высшие представители армии, которых репортеры проинтервьюировали в Главном штабе. Пожелавшие сохранить анонимность, представители Главного штаба одобрили поступок молодого поручика, посчитав, что у того были все основания потребовать сатисфакции, но выразили

Могила А.А. Смирнского на коммунистической площадке кладбища Александровской лавры Санкт-Петербурга

мнение, что честь русской армии стоит выше оскорбления Якубсона, а потому «вызов от лица всей русской армии сделал бы слишком много чести оскорбителю, или, лучше сказать, инсинуатору»³⁴.

Поддержал Смирнского и участник Русско-японской войны штабс-капитан Г.И. Надаров — сын начальника военно-окружного управления Маньчжурской армии, наказного атамана Сибирского казачьего войска генерала И.П. Надарова³⁵. «...Смирнский имел право говорить от армии потому, — писал Надаров, — что, служа в ней и проведя с ней войну, знает её настроение и знает, что всякий уважающий себя член этой армии разделяет его взгляд на этот вопрос и его поддерживает. Трудней всего преодолеть инертность среды, и кроме личного выступления — других средств нет, а собирать для решения вопроса об отношении армии к речи г. Якубсона своего рода военную думу — вещь практически невыполнимая». Выразив слова поддержки поручику Смирнскому, штабс-капитан Надаров обещал «в случае необходимости» выдвинуть Якубсону те же требования³⁶.

Свою поддержку поручику Смирнскому выказывали октябристы и черносотенцы. Октябристский «Голос правды» предвкушал, как Якубсон испытает «интересные ощущения, стоя в нескольких шагах перед дулом пистолета», и выражал надежду, что, обвинив русскую армию в трусости, сам он «самый храбрый из всех самых храбрых евреев»³⁷. Нижегородский черносотенный союз «Белое знамя» в свою очередь выражал поручику Смирнскому «сердечную благодарность и глубокое уважение» за то, что он «воскресил великий завет, которым была крепка и непобедима Русь: “Иду на тебя войной, обороняйся, если можешь!”»³⁸. В черносотенном «Вече» в свойственной ему манере появился призвы отстегать бывшего депутата нагайкой «по тому месту, откуда растут ноги»³⁹. А крайне правое «Русское знамя» посвящало поручику Смирнскому незатейливые стихи, один из кото-

рых заканчивался следующим четверостишием: «И знай наш храбрый, честный Смирнский, / Примером будет подвиг твой; / Почин геройский, богатырский / Подвигнет многих за тобой»⁴⁰.

Пока в прессе обсуждался вопрос, должен или не должен Якубсон отвечать на вызов Смирнского, дуэльная история получила неожиданное развитие. В газетах появилось письмо студента Н. Покровского, бывшего в годы Русско-японской войны добровольцем, где в частности, говорилось: «Если г. Якубсон действительно пожелает уклониться... от поединка с военным, то я, штатский, студент Гейдельбергского университета, вызываю его на дуэль. Как участник войны я имею право его вызвать и буду счастлив, если г. Якубсон примет этот поединок, и мне удастся получить удовлетворение за обиду, нанесённую им армии, которую я за время моей службы искренно полюбил и глубоко уважаю»⁴¹. Этот порыв студента был оценён монархическим «Русским знаменем», откликнувшимся на него такими строками: «Герои, други дорогие, / Студент и славный офицер, / Вы, защищая честь России, / Даёте доблестный пример»⁴².

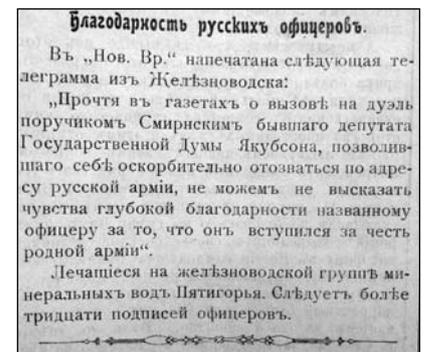
Судя по всему, нашлись и другие желавшие призвать бывшего депутата к барьеру. Как утверждал Якубсон, помимо вызова от Смирнского он получил ещё несколько писем от офицеров, желавших получить удовлетворение. В газетах стали распространяться слухи, что офицеры, поддерживавшие поручика Смирнского, создали тайный союз дуэлянтов, поставивший своей целью посылать вызовы на дуэли общественным деятелям, позволявшим себе задевать честь армии. Называлось даже число членов этого «союза» (90 человек) и указывалось, что значительные денежные средства, которыми располагают участники организации, позволят им не «стесняться и весьма большой отдалённостью местонахождения лица, “удостоенного” вызова».

Левый публицист Брюсянин, пересказывая газетные слухи, писал о якобы возникшей в гвардейской среде

«Белой лиге», поставившей своей целью «расправу с народными представителями» и разгон Думы, но почему-то так ничем себя и не проявившей⁴³. Газета «Объединение» в своей передовице грозно предупредила революционеров, что вызов Смирнского лишь первый шаг, за которым последуют такие же действия со стороны лиц, твёрдо решивших покарать вожаков революционного движения. «Это не провокация правительства, — говорилось в публикации, — не военный заговор, не заговор “чёрной сотни”, это — бесповоротное решение горсти истинных граждан... Не сегодня-завтра они смело и открыто сообщат свои имена приглашённым ими к дуэли... Ни закон, ни репрессивные меры не помогут остановить решение анонимного кружка»⁴⁴. «“Суд Божий”, по словам членов нового союза, должен совершиться над “крамольником”, где бы он ни был, — утверждало другое издание. — И суд совершится, так как, если даже вызванный победит первого своего противника, то получит вызов от другого члена “союза”, затем от третьего и т.д., пока не будет убит»⁴⁵. Впрочем, данные сообщения газет, скорее всего, были не более чем слухами, призванными припугнуть как Якубсона, так и его возможных последователей.

Ответ В.Р. Якубсона появился в газетах 17 августа 1906 года. В письме, отправленном в редакцию газеты «Военный голос» из Карлсбада, бывший депутат решил ответить сразу всем, кто посчитал себя оскорблённым его словами. Призна-

«Русское знамя» от 25 июня 1906 г.

вая, что произнесённая им 23 июня фраза была неудачной и неуместной, т.к. содержала «оскорбительное обобщение», Якубсон заверял, что уже в тот же день просил председателя Думы дать ему слово для объяснения, но получить его сумел лишь 7 июля. Депутат опровергал мнение, что эта фраза имела характер намеренного оскорбления, а потому считал вызванное ею «недоразумение» следствием лишь «неудачного отражения той мысли, которая имела быть в неё вложена». Напоминая, что он в стенах Думы публично сожалел об этой неудачной фразе, Якубсон выражал мнение, что данное им разъяснение, повторенное в опубликованном в газетах письме, «должно считаться исчерпывающим и не требующим дальнейших дополнений»⁴⁶. Если же и это объяснение не удовлетворит господ офицеров, то, заключал Якубсон, он согласен передать это дело на рассмотрение третьей инстанции, решение которого он готов беспрекословно принять, каким бы оно ни было. «Как юрист я другого способа разрешения недоразумений между людьми не знаю», — заключал бывший депутат⁴⁷. В постскрипту к письму Якубсон заверял секунданта Смирнского, что он от них никогда не скрывался, а его спешный выезд за границу был вызван необходимостью пройти лечение.

Реакция на письмо Якубсона была неоднозначной. Напечатанный его «Военный голос» выражал сожаление, что Якубсон «недостаточно категоричен

в выражениях» своего письма, т.к. в одном его месте заявляет, что он не настаивает на сказанных им в Думе словах, а в другом — что отказывается от них. «В делах, подобных настоящему, — заключало издание, — нужны точность и определённости, не допускающие различных толкований»⁴⁸. Консервативный «Свет» увидел в письме бывшего депутата «недостойные серьёзного юриста» извороты вместо должного, по мнению издания, извинения по существу⁴⁹. На «двойственность» объяснения Якубсона указывало и «Новое время», не удовлетворившееся его «туманной фразой», в которой не было «открытого и искреннего признания своей вины и честного отказа от своей клеветы»⁵⁰. Расценив письмо депутата как уклонение от дуэли, издание указывало Якубсону, что «ему сделали снисхождение, предоставив возможность извиниться за свои инсинуации на армию, и самый вызов его на дуэль был честью, которую ему оказали гг. офицеры»⁵¹. Если последнее утверждение было спорным, то с первым трудно не согласиться. Ведь поручик Смирнский не требовал дуэли во что бы то ни стало. Как отмечала «Петербургская газета», условия удовлетворения без дуэли были поставлены «более чем мягкие»: «печатно взять свои необдуманные слова по адресу войск обратно»⁵². Но письмо Якубсона содержало лишь сожаление, которое оставляло вопрос открытым: отказывается ли он от своих слов или пытается оправдать их тем, что просто неудачно выразил свою мысль.

Военный офицеризм газета «Русский инвалид», поддерживавшая поручика Смирнского, посчитала предложение вынести инцидент на рассмотрение третьей инстанции неприемлемым, поскольку личное оскорбление такому суду подлежать не может. «Этот институт заслуживает полного почитания, однако он неприемлем в случаях явного личного оскорбления. Когда оскорбляют жену, сестру — третейский трибунал не может иметь места. Офицер, бывший в кампании и услышавший всенародный упрек выборного лица в

трусости, почувствовал такого рода личное оскорбление, которое не может подлежать третейскому суду»⁵³.

Тем временем, как отмечала одна из газет, «каша заваривалась всё гуще и гуще». Некий не пожелавший назвать себя по имени паж выпуска 1906 года, исходя из «данных принципиального характера и признавая правоту... Якубсона во всех его действиях, имевших место после вызова его поручиком Смирнским», предлагал себя на замену бывшему депутату, выражая готовность принять брошенный вызов. «Что же касается до моего общественного положения, — писал выпускник Пажеского корпуса, — то в этом отношении мы равны с поручиком Смирнским — я также офицер»⁵⁴. Автор письма выражал надежду, что у него найдутся единомышленники, которые таким же образом ответят на вызов студента Н. Покровского. Поскольку выпуск пажей в 1906 году составил всего лишь 38 человек, сведения о которых печатались в военной периодике, установить анонима оказалось несложно. Журналисты быстро вычислили поддержавшего Якубсона пажа, которым оказался молодой барон С.А. Штакельберг⁵⁵, выпущенный офицером в 18-й сапёрный батальон, но уже через два месяца, если верить газетам, «выкинутый» из рядов армии. Как утверждало «Объединение», «армия выбросила барона Штакельберга как негодный элемент, чуждый сознания высокого долга солдата и офицера. Не «паж», но бывший паж, не «офицер», но бывший офицер барон Штакельберг выходит в бой с офицером действительной службы...»⁵⁶.

Тем временем либеральная печать воспевала поступок пажа, выражая уверенность, что «все искренние сторонники общественного мира, основанного на частном уважении прав человека, конечно, будут на его стороне»⁵⁷. Правая пресса тут же окрестила Штакельберга «еврейским клеветником», «отбросом армии», «наёмником» и «предателем»⁵⁸. По справедливому замечанию «Голоса правды», юный офицер оказал медвежьё услугу Якуб-

А.А. Смирнский
1905 г.

сону, т.к. своей готовностью стать его заместителем подтвердил правоту тех, кто считал, что бывший депутат обязан принять этот вызов. «Одно из двух, — отмечала октябристская газета, — либо вызов не должен быть принят — тогда нет надобности и в храбром заместителе, либо Якубсон должен сам встать к барьеру, если, конечно, он не хочет прикрыться за спиной совсем незрительного “пажа выпуска 1906 года”»⁵⁹. А «старый паж 1853 года» (известный знаток дуэльного права генерал А.А. Киреев) со страниц «Нового времени» поучал «юнца», что замещать вызванного на дуэль имеет право лишь его близкий родственник, каковым воспитанник Пажеского корпуса иудею Якубсону вряд ли является⁶⁰. В противном же случае, заключал Киреев, Штакельберг, предполагая, что Якубсон согласится на такую замену, «его решительно топят, топят с ушами, бесповоротно»: «За кого принимает он г. Якубсона? Разве мало-мальски порядочный человек согласится, чтобы кто-либо другой рисковал своей жизнью, защищая его честь? Ведь это было бы величайшей подлостью! Знай я г. Якубсона, я бы ему сказал: “Г. Якубсон! У вас был очень прискорбный lapsus linguae. Объяснитесь откровенно с г. Смирнским, покончите с ним дело и пошлите своих секундантов юному пажу 1906 года. Это будет совершенно корректно»⁶¹.

Ответом на заявление Штакельберга также стало опубликованное в «Новом времени» открытое письмо собрания пажей всех выпусков (105 человек), единогласно постановившего, что взгляды, высказанные «пажом 1906 года выпуска», «не отвечают взглядам и понятиям пажей», а потому выразителем мнения пажеской среды анонимный автор быть не может⁶². Газеты также сообщали, что собрание бывших воспитанников корпуса постановило не считать Штакельберга более своим товарищем, доложить о его поступке эстляндскому дворянству и стереть о нём память, присвоив номер, которым тот был помечен в корпусе, его

однофамильцу, как только таковой пополнит ряды пажей⁶³. Однако это довольно чувствительное для бывшего пажа решение удовлетворило далеко не всех его противников. Газета «Объединение», явно ожидавшая от пажеского собрания большего, с разочарованием заключала: «Это — не ответ пажей; в канцелярском постановлении совещания не слышится славных пажеских традиций»⁶⁴.

Помимо Штакельберга свои услуги Якубсону в качестве заместителя на дуэли предложил известный шахматист С.З. Алапин. В открытом письме, опубликованном в газете «Товарищ» и растиражированном затем другими изданиями, Алапин, предполагая, что поручика Смирнского интересовал не лично Якубсон, «а лишь представляемая последним идея», вызывался дать удовлетворение молодому офицеру, поскольку он, как еврей, тоже не одобрял действий русской армии в Белостоке. При этом Алапин выдвигал принципиальное условие: если Смирнский согласится с ним стреляться и убьёт его, то на этом инцидент должен считаться исчерпанным, но если ему удастся застрелить поручика («Верю, что Бог — не в силе, а в правде», — пояснял шахматист), он просил бы черносотенцев не мстить ему. «Было бы лишь справедливо, — заключал Алапин, — если бы это лояльное условие было принято к сведению и признано какими-либо влиятельными организациями Союза русского народа»⁶⁵.

Таким образом, к инциденту Смирнский — Якубсон добавлялись всё новые и новые участники, и конфликт стал угрожать сразу несколькими дуэлями. В связи с этим «Военный голос» писал: «Злободневная история о пресловутой дуэли между поручиком Смирнским и б[ывшим] деп[утатом] Якубсоном с каждым днём запутывается всё больше и больше. Она начинает уже принимать комический характер и скоро, надо полагать, послужит темой для забавного фельетона. Совсем как в фарсе. Поручик Смирнский призвал к барьеру г. Якубсона, его примером последовали штабс-капитан

Надаров и несколько других офицеров, затем к ним присоединился и “штатский” — студент Покровский, бывший добровольцем в отряде ген[ерала] Ренненкампа; за г. Якубсона вступились третьи лица: сначала “паж выпуска 1906 г.”, предложивший дуэль поручику Смирнскому, потом г. С. Алапин, выразивший желание драться вместо г. Якубсона... Весьма возможно, что завтра мы прочтём ещё новые предложения выступить в качестве дуэлянта с той или другой стороны. Когда же, наконец, г-н военный министр, являющийся представителем армии, вмешается во всю эту нелепую историю...»⁶⁶. Но военный министр А.Ф. Редигер молчал, а число потенциальных дуэлянтов, как и предсказывала газета, продолжало увеличиваться. Некий студент петербургского Технологического института, вступаясь за Якубсона, поспешил принять вызов, брошенный депутатом студентом Покровским⁶⁷. Свои услуги Покровскому предложил и некий отставной подполковник⁶⁸. А поручик Смирнский в свою очередь соглашался принять секундантов от анонимного пажа⁶⁹...

Положить конец этой запутанной дуэльной истории смогло лишь второе открытое письмо В.Р. Якубсона, написанное им 19 августа. Узнав, что ему вменяют «недостаточную категоричность» отказа от произнесённых в Думе слов, бывший депутат на этот раз счёл нуж-

В.Р. Якубсон

ным «категорически заявить», что он «безусловно отказался» от инкриминируемой ему фразы. «Я думаю, — выражал надежду Якубсон, — что ныне, после этого заявления, устранена всякая возможность для различных толкований»⁷⁰. На этот раз объяснение Якубсона было принято. Суд общества офицеров 35-й артиллерийской бригады, в которой служил поручик Смирнский, 5 сентября постановил признать дело оконченным ввиду категорического отказа Якубсона от произнесённой им в стенах Думы неудачной фразы⁷¹.

На этом данная скандальная история с множеством дуэльных вызовов наконец-то благополучно завершилась. Ни одна из угроз проучить «обидчика» у барьера, к счастью, так и не была реализована. Однако слов, сказанных в 1-й Думе Якубсоном, монархисты не забыли и ещё долго поминали этого «поносителя чести русской армии»⁷². Несомненно, что инцидент Смирнский — Якубсон привлёк к себе такое внимание общества не только потому, что это был первый вызов, брошенный депутату Государственной думы за произнесённые им в Таврическом дворце слова. Не последнюю роль сыграла национально-вероисповедная принадлежность депутата. Как справедливо отмечал «Военный голос», «не подлежит ни малейшему сомнению, что мы бы не слышали и сотой доли всего этого шума, если бы инкриминируемая г. Якубсону фраза была сказана не евреем»⁷³. То, что могло быть оставлено без последствий в речи «своего», русского оратора, крайне болезненно воспринималось из уст депутата-«чужака». Кроме того, эта дуэльная история весьма показательна и в плане подачи её прессой, четко разделившейся на два противоположных лагеря: издания, стоявшие на платформе левее октябристской, дружно выступили в поддержку В.Р. Якубсона и против дуэли; органы печати «Союза 17 октября» и правее — всецело поддерживали А.А. Смирнского. Но несмотря на явную политизацию этого скандала, критики

поручика Смирнского, за крайне редким исключением, были к нему вежливы и резких выпадов не позволяли. Это обстоятельство подметил А.С. Суворин: «Заметили странность: как вежливо газеты вели полемику по поводу вызова на дуэль г. Якубсона поручиком Смирнским. Ни одной оскорбительной выходки, ни злобных насмешек даже из тех газет, которые поносили военных... Мужество ценится всяким порядочным человеком даже из тех, которые “принципиально” отвергают дуэль»⁷⁴. Но, думается, далеко не только благородный порыв удерживал журналистов от оскорбительных и издевательских комментариев по адресу Смирнского. Куда веселее было нежелание получить от господ офицеров, столь чутких к понятию личной и корпоративной чести, вызов к барьеру.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Козлов Г.Г. Стрелковый спорт: справочник. М., 1980. С. 5, 6.
- ² Государственная дума. Стенографические отчёты. Сөзүв I. Сессия I. СПб., 1906. Стб. 1636, 1637.
- ³ Московские ведомости. 1906. 27 июня.
- ⁴ Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 2. Белград, 1939. С. 358, 359.
- ⁵ Государственная дума... Стб. 1644, 1645, 1821.
- ⁶ Там же. Стб. 1842.
- ⁷ Страна. 1906. 9 июля.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 1. Д. 24205, 46938.
- ¹⁰ Нива. 1905. № 50. С. 967.
- ¹¹ Шмаков А.С. Свобода и евреи. М., 1906. С. DXIII—DXIV.
- ¹² Петербургская газета. 1906. 10 августа.
- ¹³ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1906. 9 августа; Петербургская газета. 1906. 10 августа; Русское слово. 1906. 10 августа.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Русское слово. 1906. 10 августа.
- ¹⁶ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1906. 9 августа.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Петербургская газета. 1906. 11 августа.
- ¹⁹ Брусянин В.В. Судьба первых депутатов. СПб., 1906. С. 58.
- ²⁰ Петербургская газета. 1906. 10 августа.
- ²¹ Военный голос. 1906. 12 августа.
- ²² Око. 1906. 10 августа.
- ²³ Порошин А. Политические письма // Око. 1906. 25 августа.

- ²⁴ Суворин А.С. Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904—1908). М., 2005. С. 591.
- ²⁵ Русское слово. 1906. 12 августа.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Коровиченко П. К вызову на дуэль г. Якубсона // Военный голос. 1906. 13 августа.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Друцкой С. Поединки // Военный голос. 1906. 25 августа.
- ³⁰ Куприн А. Это не вызов // Око. 1906. 23 августа.
- ³¹ Короленко В.Г. Господа дуэлянты // Полное собрание сочинений В.Г. Короленко. Т. 4. СПб., 1914. С. 285.
- ³² Вече. 1906. 25 августа.
- ³³ Русское знамя. 1906. 24 августа.
- ³⁴ Петербургская газета. 1906. 11 августа.
- ³⁵ Военный голос. 1906. 24 августа.
- ³⁶ Новое время. 1906. 18 августа.
- ³⁷ Голос правды. 1906. 11 августа.
- ³⁸ Вече. 1906. 27 августа.
- ³⁹ Там же. 20 августа.
- ⁴⁰ Русское знамя. 1906. 7 сентября.
- ⁴¹ Вече. 1906. 20 августа.
- ⁴² Русское знамя. 1906. 15 сентября.
- ⁴³ Брусянин В.В. Указ. соч. С. 60.
- ⁴⁴ Объединение. 1906. 17 августа.
- ⁴⁵ Петербургская газета. 1906. 11 августа.
- ⁴⁶ Военный голос. 1906. 17 августа.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ Ответ члена Государственной думы В. Якубсона на вызов поручика Смирнского // Свет. 1906. 18 августа.
- ⁵⁰ Новое время. 1906. 18 августа.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Петербургская газета. 1906. 10 августа.
- ⁵³ Цит. по: Военный голос. 1906. 20 августа.
- ⁵⁴ Вниманию поручика Смирнского. (Письмо в редакцию) // Око. 1906. 22 августа.
- ⁵⁵ РГВИА. Ф. 318. Оп. 1. Д. 3020 а.
- ⁵⁶ Объединение. 1906. 8 сентября.
- ⁵⁷ Порошин А. Политические письма // Око. 1906. 26 августа.
- ⁵⁸ Русское знамя. 1906. 7 сентября; Объединение. 1906. 8 сентября.
- ⁵⁹ Голос правды. 1906. 23 августа.
- ⁶⁰ Киреев А.А. Сочинения. Ч. 1. СПб., 1912. С. 437, 438.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1906. 25 августа.
- ⁶³ Объединение. 1906. 19 сентября.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1906. 23 августа.
- ⁶⁶ Военный голос. 1906. 24 августа.
- ⁶⁷ Там же. 25 августа.
- ⁶⁸ Око. 1906. 23 августа.
- ⁶⁹ Военный голос. 1906. 25 августа.
- ⁷⁰ Биржевые ведомости. Вечерний выпуск. 1906. 25 августа.
- ⁷¹ Свет. 1906. 11 сентября.
- ⁷² Марков Н.Е. Войны тёмных сил. Статьи. 1921—1937. М., 2002. С. 153.
- ⁷³ Военный голос. 1906. 21 августа.
- ⁷⁴ Суворин А.С. Указ. соч. С. 591. ■